

ВСЕМИРНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ В РОМАНЕ Ч.Т. АЙТМАТОВА «ТАВРО КАССАНДРЫ»

М.А. Филькина

Аннотация. *Всемирная эсхатология в позднем фантастическом романе Айтматова «Тавро Кассандры» (1996) затрагивает проблему ожидания гибели человечества на генетическом уровне в контексте общемировой катастрофы. В данном случае интересен переход писателя, наряду с мифологической и авраамической эсхатологией, к рационалистической, которая действует в рамках светской культуры, антропогенных факторов и наукообразных явлений.*

В первую очередь, нужно выделить мотив антиутопии, при котором анализируются схожие черты эсхатологии, антиутопии как специфических форм отношения к модусу будущего, а также выделяются традиционные признаки этого литературного жанра. К примеру: генетика из космоса, называющего себя космическим монахом, общество воспринимает как Антихриста, покусившегося на таинство деторождения и божественную заповедь «Плодитесь и размножайтесь»; нежелательное тавро на лбу беременных женщин рассматривается в качестве метки зверя, так как лазерное воздействие в народной культуре воспринимается как способность контролировать психику и душу людей.

В романе рассматривается мотив «ноосферы», который предполагает генезис всемирной эсхатологии в разрушении всемирной гармонии и разделении мирового разума на антиномию космос и хаос, где первый олицетворяет естественное начало природы и животных, а хаос – деструктивные действия социума. Невозможность построения ноосферного, космополитического сознания предполагает своё эволюционное завершение, конец света. Миропорядок в изложении Айтматова напоминают теории Т. Шардена, Н. Фёдорова, В. Вернадского.

Наконец, заключительный образ всемирной эсхатологии посвящён мотиву общеродовой гибели, который ставит перед угрозой уничтожения как человеческое существование, так и всю природу, космический универсум в целом. В романе впервые, помимо самоубийства главного героя, Айтматов описывает массовое самоубийство китов, неких радаров космического разума, предчувствовавших мировую катастрофу. Здесь же анализируется аспект вынужденной смерти человека-пророка как потенциальной гибели для общества.

Ключевые слова. *Всемирная эсхатология, рационалистическая эсхатология, апокалипсис, роман-антиутопия, Антихрист, эсхато-эмбрион, тавро, ноосфера, общеродовая гибель, космос, хаос, манкуртизм, самопожертвование, космополитизм.*

Роман Айтматова «Тавро Кассандры» – новая страница в творческой эволюции писателя. Роман знаменует собой осмысленный переход автора от превалирующей в ранних и зрелых произведениях писателя индивидуальной эсхатологии, включающей представления о немедленном посмертном суде и воздаянии, а также загробной жизни отдельной человеческой души, ко всемирной эсхатологии, содержащей в себе учение о конечной цели и конце мира, космоса, истории в целом [Энциклопедия религий, 2008: 1459].

Итак, впервые сюжет айтматовского романа затрагивает проблему ожидания гибели человечества на генетическом уровне в мировой катастрофе вневременных масштабов: «Мне пришлось перешагнуть свои национальные границы. То, что я писал до сего времени, было так или иначе связано с моей родиной. Но когда я вдруг представил, что же я должен написать теперь, возник замысел, который сразу выявил свой космополитизм. Мой новый роман касается всех и никого конкретно. От эпического стиля я должен уйти, выпрыгнуть из своей кожи для того, чтобы сказать нечто, касающееся всех – и современников, и будущих читателей» [Ковчег..., 2004: 390]. Подобный жизненный подход определил переход писателя к новому литературному жанру – антиутопии с элементами фантастики.

Уместным будет сказать, что в современной науке существует изучение эсхатологических мотивов в художественной литературе разных жанров, а также собственной эсхатологической литературы как «формирующегося отдельного жанра, включающего смежные направления антиутопии, фантастической и фантазийной литературы» [Желтикова, Гусев, 2011: 29]. Как пишет критик Н. Иванова: «Жанр антиутопии, как показывает его история, активизируется во времена общего предчувствия надвигающейся катастрофы или осмысления последствий национальных тектонических сдвигов» [Иванова, 1990: 90]. Действительно, антиутопия Айтматова иллюстрирует конфликт социальной среды и личности:

систематизирует трагические размышления автора о кризисном состоянии эпохи, реализует моделирование несогласованного и жестокого социума, нацеленное вызвать протест у читателя, выдвигает символический ряд героев, способных определить социальное отчаяние и наступление апокалипсиса. Таким образом, роман Айтматова соответствует основным признакам данного литературного жанра. Но философско-художественная особенность произведения заключается в том, что, в отличие от антиутопии в традиционном антропологическом смысле, оно обладает религиозной коннотацией, что позволяет смело классифицировать его как «эсхатологическую антиутопию» [Брега, 2010: 46].

В первую очередь, необходимо обозначить схожие черты эсхатологии и антиутопии. Важно, что обе формы сознания развиваются в перспективе как «специфические формы отношения к модусу будущего» [Дыдров, 2010: 38], где оно не буквально ожидается, а переживается, актуализируется и входит в настоящее время. По Айтматову, такая концепция времени, действительно, прекращает выступать предметом ожидания и чаяния, а стремление в таком случае сменяется на участие. Мотив пророчества впервые преломляется в факт действительности, подтвержденный наукой: «Я утверждаю, что в первые недели внутриутробного развития человеческий зародыш способен интуитивно предугадывать то, что ожидает его в грядущей жизни, и проявить свое отношение к потенциальной судьбе. Если это отношение негативно, у эмбрионов возникает сопротивление грядущему появлению на свет Божий. Мною выявлен знак-сигнал, которым эмбрион выражает это своё негативное отношение к рождению. Этот знак-сигнал проявляется в виде небольшого пигментного пятна на лбу у женщин, вынашивающих такой плод. Я назвал это пятно тавром Кассандры, а зародыш, подающий негативные сигналы, – кассандро-эмбрионом или эсхато-эмбрионом» [Айтматов, 2003: 19]. Таким образом, Айтматов рационализирует судьбу, что, в свою очередь, определяет

род деятельности одного из главных героев романа – футуролога Роберта Борка. Как эсхатология и антиутопия, наука футурология затрагивает перспективы социальных процессов. Существенное значение для истории романа имеет тот факт, что, начиная с 70-х гг. XX века, футурология переживает кризис, в ходе которого доказывается неизбежность глобальной катастрофы при существующих тенденциях общественного развития. Эсхатологическое восприятие действительности лейтмотивом пронизывает все повествование романа: «Признать эсхатологическую реакцию кассандро-эмбрионов значит подвергнуть сомнению всё от и до, и прежде всего политические, социальные устроения, моральные устои» [Айтматов, 2003: 182].

Также антиутопическая модель будущего в романе воплощается за счёт ряда апокалиптических мотивов: «С открытием Филофея знание о кассандро-эмбрионах предопределяет мучительную участь человечества – ожидать конец света. И другого исхода на горизонте не видно» [Айтматов, 2003: 83]. Наиболее явным эсхатологическим образом в произведении является соответствующий жанру антиутопии персонаж с приставкой -анти-. Главный герой романа, учёный-генетик Андрей Крыльцов, а затем космический монах Филофей по причине своих научных открытий представляется обществу Антихристом, дьяволом, покусившимся на главную божественную заповедь, на таинство деторождения: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт., 9:1). Представление о Филофее как Антихристе происходит сквозь призму сознания героев двояким путем.

Во-первых, это учёный, занимающийся проектом создания искусственного человека. Будучи экспериментатором на земле, Крыльцов занимался изобретением так называемых иксродов, то есть анонимно производимых людей, рождаемых анонимной женщиной. Такими матерями в лабораториях служили женщины-зечки, которым сокращали срок заключения за «помощь науке». Единственная женщина по имени Руна открыто выступила

против учёного, вмешивающегося в дела Бога и присваивающего себе его роль творца: «Будут ли люди размножаться, как велено природой и Богом, или по наущению дьявола возникла эта проблема?» [Айтматов, 2003: 284].

Подобным образом в романе Айтматова поднимается проблема манкуртизма, но в наиболее острой форме, чем в романе «И дольше века длится день», – в рамках всемирной эсхатологии: «Иксродам предстояло остановить движение того исторического колеса, положить конец Отцовству, Материнству, положить конец всему, что являлось продолжением опыта поколений для всех и для каждого на белом свете... Ситуация, не предвиденная в веках и немыслимая: вторично, вслед за Адамом и Евой, изгонялись из мира Отец и Мать, причём негласно, без раскатов громopodobного гнева с небесных высот, без проклятий, запечатлевшихся на все времена, изгонялись весьма прозаично – через исключение родительских обязанностей, изгонялись коварно и исподволь – через манипуляции зародышами, изгонялись при этом в никуда» [Айтматов, 2003: 273].

Примечательно, что в настоящее время пророчество Айтматова нашло свое выражение в ряде европейских стран. Например, в Швейцарии с 2010 г., согласно «Положению 12267 в Комитете по равноправию мужчин и женщин в Европейском Совете» гендерную идентификацию «отец» и «мать» следовало заменить на «родитель номер один» и «родитель номер два» [Combating..., 2010: 3]. Наряду с этим, по мнению Айтматова, иксрод в перспективе – не только ликвидатор старого, отжившего, но и создатель нового мира. Государство в романе ставило перед собой целью произвести на свет государственную массу по Дж. Оруэллу: идеальных партийных работников, хладнокровных сирот, которые будут беспрекословно выполнять «заказы сверху». Подобное создание нового типа человека в качестве бездушной машины является одним из характерных черт жанра антиутопии.

С другой стороны, Филофей предстаёт Антихристом в глазах матерей, у которых

обнаружилось тавро Кассандры: «Ты видишь тавро моё от дьявола из космоса?! Как мне быть? Убить зародыша потому, что он страшится жизни? Значит, я, моя судьба, моя жизнь не устраивают его? Или мне самой повеситься?» [Айтматов, 2003: 121]. Здесь же Айтматовым поднимается излюбленная проблема материнства. Открытие Филофея является величайшим испытанием жизни, так как эмбрион, заявляя о нежелании жить, по сути, призывает мать совершить величайший грех убийства – аборт. В настоящее время существуют исследования теологов и психологов, интерпретирующих факт распространения абортотворения как «спецмиссию Антихриста» [Шишова, Медведева, 2009: 11].

Следующим апокалиптическим знаком в романе Айтматова можно обозначить возможное расценивание тавра Кассандры как «метки зверя»: «Кульминационным моментом деятельности антихриста является нанесение «начертания зверя» или «печати антихриста» [Бессонов, 2014: 238]. В христианской традиции встречались самые различные толкования печати Антихриста. Распространённым учением служили произведения Ипполита Римского, который писал, что «начертание на челе указывает на то, что все будут увенчаны и все будут носить на себе огненный венец, но венец не жизни, а смерти» [Бессонов, 2014: 239].

Рассуждения Айтматова о том, что тавро Кассандры может являться отличительным знаком для нового будущего тирана «преисподней», могут приблизить себя к подобной антиутопической концепции: «Зло, совершенное субъектом, не уходит физически вместе с ним, с кончиной его века, а остаётся в генетическом лесу фатальным семенем, ожидая вероятного часа икс, когда оно даст о себе знать подобно мине замедленного действия» [Айтматов, 2003: 29].

Одним из древних толкований печати зверя в русской народной традиции стало именно «клеймо»: «В советскую эпоху практика клеймения была обычным явлением... Клеймо действительно может ставиться на руку или лоб» [Бессонов,

2014: 241]. Наконец, наиболее важным сходством представляется тот факт, что большинство современных рассказов о нанесении печати антихриста относит ее введение к будущему и по мнению авторов, печать будет наноситься с помощью современных технологий. Действительно, подобные эсхатологические настроения стали свойственны человеческому сознанию в XX-XXI вв. Наиболее распространённой является точка зрения, что посредством лазерного «начертания» Антихрист получает способность контролировать психику и душу людей.

Следует сказать, что научно-технический прогресс и развитие новейших технологий действительно понимаются Айтматовым как потенциальная опасность для общества, где нарушаются извечные законы природы, где всё естественное подменяется искусственным. Основной вопрос, волнующий писателя в данном контексте: насколько нравственна наука, в состоянии ли она отвечать морально-этическим принципам человеческой души? Так, Айтматов с критической точки зрения высказывается о достижениях современной науки: «Что же касается опасных экспериментов... Много я попытался высказать в романе «Тавро Кассандры» и даже довести до самой крайней, абсурдной точки гибельный, радикальный «курс», которым идёт человечество... Мне кажется, что в моём Филофее определённым образом отобразилась наша эпоха. Сахаров, как и Филофей-Крыльцов, тоже создал страшное оружие. И тоже всей последующей жизнью пытался обелить, очистить себя, искупить вину и предупредить людей...» [Ковчег..., 2004: 549]. Построение технократического государства также характерно для жанра антиутопии.

Немаловажным наблюдением представляется мотивация Айтматова в плане выбора основного места действия для антиутопии. Впервые писатель переносит цепь повествования на международную арену Запада. Возможно, такой выбор автора не случаен: «Разрушению в эсхатологическое время подвергнутся не только нечестивые города, но и нечести-

вые страны – в первую очередь Америка» [Бессонов, 2014: 186]. Действительно, в романе Айтматова изображается всемирная демократия в действии, одоббившая расправу над футурологом. Русскому же самосознанию с давних времён был присущ взгляд на США как на сосредоточение зла, греха и разврата, что особенно усилилось в поствоенную эпоху. Но Айтматов был противником идей национализма, поэтому пространство надвигающегося апокалипсиса могло быть совершенно иным. При этом не следует игнорировать тот факт, что в центре антиутопии обычно стоит сильное государство с развитой политической структурой. Так, по мнению Айтматова, всемирная эсхатология в общем масштабе имеет своё начало в контексте отдельных этносов и наций.

Интересно, что некоторые литературоведы проводят параллель между Филофеем Айтматова и старцем Филофеем, игуменом псковского Елеазарова монастыря. Допустимым является предположение, что эсхатологическая концепция старца могла послужить толчком для художественного замысла писателя, так как в посланиях средневекового старца Филофея, так же как и в письме космического монаха, присутствует предупреждение о губительном наказании за человеческие грехи. Теория современного Филофея повторяет учение своего предшественника о том, что зло накапливает и развивает сам человек, в чем вновь выражается основная авторская идея, начинающаяся с «Плахи»: «Конец света заключен в нас самих» [Айтматов, 2003: 146]. Именно отсюда все вытекающие признаки антиутопии: агрессивное восстание масс, разрушающая сила толпы, самосуд, массовые войны и убийства.

Так, в первую очередь, идея всемирной эсхатологии в творчестве Айтматова находит своё воплощение в жанре антиутопии. Конец всемирной истории, с точки зрения Айтматова, – это упадок и регресс всех нравственных ориентиров общества. Роман «Тавро Кассандры» символизирует собой «антиутопическое развенчание массовых иллюзий современного человечества» [Ничипоров, 2018: 99]. Открытие

Филофея для его современников, как и весь роман Айтматова, вызвали в культурной среде массу критических отзывов. Подобную реакцию писатель обозначил еще в эпиграфе своего романа, обращаясь к образу в древнегреческой мифологии предсказательницы Кассандре, пророчествам которой никто не верил. В данном лейтмотиве заключается глубокий трагизм художественного замысла романа. Действительно, исторически сложилось так, что произведение жанра антиутопии с начала печати воспринимается как «нежелательная литература», долго осмысливается и переживается обществом в силу философско-религиозных, политических, экономических и социальных изменений.

Помимо этого, фантастический сюжетно-событийный ряд антиутопического романа Айтматова «Тавро Кассандры» представляет собой обращение автора к новому типу всемирного эсхатологического сознания – рационалистической эсхатологии. [Бессонов, 2014: 16]. В отличие от мифологической и авраамической эсхатологии, она действует в рамках светской культуры, антропогенных факторов и наукообразных явлений. Так, вторую причину всемирной эсхатологии Айтматов усматривает в разрушении всемирной гармонии и разделении мирового разума: «Новая эсхатология может рассматриваться как эсхатологический миф современности, новый вариант древних мифов о превращении космоса в хаос и гибели мира» [Бессонов, 2014: 18].

Антиномические полюсы «космос – хаос» в творчестве Айтматова исследовала, в частности, литературовед Т.Б. Васильева-Шальнева. Согласно её выводам, мир космической гармонии у писателя выражает собой естественное начало в образах одушевлённой природы и антропоморфных животных. Космосу природного начала противостоит хаос социума. В романе «Тавро Кассандры» полюс хаоса впервые практически нивелирует первый, при этом он связан с реализацией нескольких его разновидностей – «социального, экзистенциального, онтологического» [Васильева-Шальнева, 2013: 92].

Так, социальный хаос был охарактеризован на примере мотива антиутопии. Экзистенциальный кризис учёного-генетика определил переоценку научной деятельности Крыльцова и его нравственный переход в статус «космического монаха». Наиболее же ценным для настоящего исследования выступает онтологический тип хаоса, выражающий глобальную угрозу вымирания человечества. Как пишет сам Айтматов: «Сегодня в мире и в России произошли события, которые, не знаю, кто и когда сможет описать. Пока они плохо поддаются какому-то обобщению и осмыслению и протекают как новое сотворение мира из хаоса. Что есть человек в наши дни, человек конца века?» [Ковчег..., 2004: 554]. Преобладающая тема тревоги писателя за судьбу человечества и мироздания в целом открывает философскую концепцию «человека мирового разума».

Действительно, поздний роман Айтматова отличается явным антропоцентризмом. Если в ранних произведениях писатель в силу своего художественного идеализма в большей степени пишет о воле судьбы, то в данном случае Айтматов смело ставит человека в центр Вселенной, в ответ за совершающиеся в мире события: «Боже, какое великое творение Земля! Ведь и Солнце, наверное, существует ради Земли, населенной людьми, а иначе к чему все это? Мир надобен человеку – оттого он и есть, чтобы человек его осознавал, оттого он и существует. А иначе к чему вся эта галактика, какой смысл? Да и сам Бог! Он надобен человеку – оттого он и Бог, оттого он и есть! Но заслуживает ли человек этих мировых начал? Этого грандиозного мироустройства? Вот загадка вселенной!» [Айтматов, 2003: 241].

Рационалистическая концепция Айтматова во многом напоминает идеи русского космизма и ноосферного сознания: «Ноосфера – сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития» [Всемирная энциклопедия, 2001: 609]. Ноосфера предполагает собой высшую стадию эволюции биосферы,

становление которой связано именно с деятельностью общества. Планетарное мышление и космополитический путь трансформации человечества, с точки зрения Айтматова, иллюстрируют коренной переворот в коллективном сознании современного социума, ведущий к разрешению проблемы всемирной эсхатологии путем искоренения отношений человека и природы через оппозицию «космос – хаос».

Русские философы XIX–XX вв., в частности Н.Ф. Федоров, рассматривали реализацию творческих сил личности как основной способ, позволяющий избежать негативного эсхатологического конца. Близкими были эсхатологические воззрения основных представителей ноосферной философии Пьера Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского. Их подход к рассмотрению конечности бытия ученые определяют как «эволюционную эсхатологию» [Желтикова, Гусев, 2011: 28]: «Идея спасения человечества обречена на провал, до тех пор, пока в истории эволюции мировой разум не достиг этапа всеобщего прозрения, пока каждый субъект посредством рефлексии не придёт к мысли, что необходимо встать на верный путь движения истории» [Мискина, 2003а: 157]. Подобные идеи высказывает в своих произведениях Айтматов.

В контексте ноосферной теории роман «Тавро Кассандры» рассматривает современный литературовед и философ С.Г. Семёнова. По её мнению, целью для зрелого и позднего творчества Айтматова является создание «Высшего человека», расширение его сознания, преобразование его биологической, психической и социальной природы: «Человеку даны преимущества разума, заключающего в себе неисчерпаемое движение вечности, и, если человек хочет выжить, если он хочет достичь вершин цивилизации, ему необходимо побеждать в себе Зло... Ведь человеку дана некая абсолютная привилегия на обладание разумом, на вселенскую миссию, а если мы не в состоянии совершенствоваться, не в состоянии активно осваивать универсум, что от нас требуется и для чего мы и существуем на

свете, то, стало быть, мы – паразиты, не оправдывающие своего назначения, ничемные твари» [Айтматов, 2003: 33, 57].

Эсхатологическое предчувствие писателя заключается в том, что современный человек не ощущает связи с жизненным целым, которую В.И. Вернадский определял как его включенность в последовательно разворачивающийся в эволюции ряд живых существ – в родовую цепь поколений [Вернадский, 2008: 146]: «Человек – носитель мирового разума... Потому что разум мировой грозит рухнуть, самоликвидироваться, а значит, кануть в бездну, исчезнуть. И это страшит всякую тварь безмолвную концом света» [Айтматов, 2003: 59]. Ноосферное сознание как понимание ответственности перед своим прошлым и будущим и реализация нравственной трансформации представляется Айтматову началом новой, спасительной стадии эволюции: «Коротко говоря, ответственность человечества перед потомством отныне приобретает новый характер, возможно, это новый виток эволюции... Вечность вечна сама по себе, а человеку положено добиваться, продлевать кредит на вечность из рода в род единственным способом – нравственным самосовершенствованием» [Айтматов, 2003: 40].

Интересно, что «разум науки» в представлении Айтматова не является первозаданным: «Разум дан человеку свыше, разум – явление надбиологическое» [Айтматов, 2003: 177]. Так, Айтматов приближается в своих рассуждениях к вопросу могущества и милости Бога. Писатель рисует образ Бога как идеал справедливости и нравственности: «Мы сотворены как смысл и содержание вечности... Бог дал начало благословенной жизни. А дальше все решаем мы сами, люди, имеющие право сохранить или, напротив, уничтожить завязь... Мало кто способен восстать против Бога с его совестью, которой он всех нас наделил и обуздал, мало кто способен попереть его прочь с дороги, когда надо брать в свои руки то, что всегда было его монополией, как его монополия власть над рождением. Хватит ему монополии на смерть, уж этого у него никто не от-

нимет!» [Айтматов, 2003: 23, 291]. Таким образом, мировой идеальный разум воплощает собой ноосферного Бога-Завтра, Бога-Вечность, обладающий всеми высшими добродетелями, о котором Айтматов писал еще в «Плахе».

Знакомство Айтматова с идеями ноосферной философии представляется несомненным. В 2004 г. в рамках Иссык-Кульского форума, посвященного 75-летию писателя, была проведена конференция «Евразия в XXI веке: диалог культур или конфликт цивилизаций?». Многие доклады звучали в контексте выработки планетарного сознания и ноосферного вектора действий. По итогам конференции деятели науки и культуры приняли совместную декларацию, в которой заключался призыв «инициировать и развивать многоуровневый и многосторонний диалог культур и цивилизаций, решительно отвергать и искоренять терроризм, экстремизм, насилие и ненависть» [Медведко, 2004: 154].

Итак, в творчестве Айтматова отзываются идеи Н.Ф. Федорова о памяти, преемственности и связи с духовным наследием предков. Скорбь по умершим, по мнению русского религиозного мыслителя, является отличительной чертой человека, которая в будущем времени позволит ему воскресить всех людей. Мечта Н.Ф. Федорова в метафорическом смысле присутствует во всемирной эсхатологии писателя в том плане, что в сознании людей необходимо «воскресить» память о прошлом, чтобы создать условия жизни для кассандро-эмбрионов. Также как и для Федорова, сознание смертности в представлении Айтматова, – общее дело каждого человека [Федоров, 1995: 251], причем уже на стадии зародыша.

Эсхатологические идеи Тейяра де Шардена о конце света как «перевороте равновесия и отделении сознания», нашедшие свое воплощение в романе Айтматова, с достаточным обоснованием описала С.Г. Семенова, о чем было сказано выше. Необходимо добавить про концепцию Духа в рамках ноосферы Шардена. Мыслительный процесс, с точки зрения философа, в будущем времени не будет нуждаться в

материальном носителе, а «претворится в сферу Духа» [Тейяр де Шарден, 1992: 31]. Таким образом, главной целью человеческой деятельности должна стать духовная трансформация. К такому же выводу приходит Айтматов. Ещё начиная с «Плахи», писатель призывал к «самосовершенствованию духа своего». В романе «Тавро Кассандры» Айтматов выходит на новый уровень духовного саморазвития: на «интеграцию духа с космосом». Понятие «мировой дух» Айтматов использует наряду с выражением «мировой разум». Но духовная составляющая в интерпретации писателя, как и теологические рассуждения Шардена, в наибольшей степени принимает религиозную коннотацию: «Прогресс науки нескончаем, но он ничто в сравнении с совестью. И ничто не сравнимо с Духом, заключающим в себе смысл и развитие Вечности...» [Айтматов, 2003: 300].

Но наиболее ценное учение о ноосфере в рамках исследования творчества Айтматова представляет теория В.И. Вернадского. Учёный сформулировал двенадцать условий ноосферы в будущем. Интересно, что семь из них находят своё воплощение в идеальной космополитической теории Айтматова, а именно: резкое преобразование средств связи и обмена между разными странами; усиление связей, в том числе политических, между государствами Земли; расширение границ биосферы и выход в Космос; открытие новых источников энергии; равенство людей всех рас и религий; увеличение роли народных масс в решении вопросов внутренней политики; исключение войн из жизни человечества [Яншина, 1993: 165]. Так, усиление связей показано в романе через «прямую трансляцию космического телемоста», нахождение новых источников энергии было описано ещё в романе «И дольше века длится день», а человеческое равенство, с точки зрения Айтматова, должно развиваться в обществе посредством полирелигиозности: «Если бы каждый человек на Земле был волен исповедовать в равной мере все религии, если бы дано было человеку обрести повсеместно право ничем не регламентированной, свободной причастности, если он,

разумеется, верит в Бога, ко всем существующим религиям в одинаковой мере и с одинаковым статусом, когда бы он был приверженцем не какой-то отдельной конфессии или секты, исключаящих все остальные верования, а мог бы быть членом ассамблеи мировых религий...» [Айтматов, 2003: 112].

Освоение космоса Айтматов считает одной из передовых задач общественного строя: «С выходом в космос межчеловеческие отношения принципиально изменились. Когда человек выходит за пределы своей Земли, это уже не он, индивид такой-то, а всё человечество вместе с ним делает шаг в космос. Все происходящее в мире не бесследно для отдельной личности... И даже мои затерянные герои многими нитями связаны с эволюцией человеческого разума» [Ковчег..., 2004: 381]. Последние два условия по Вернадскому предлагались писателем на всех форумах и конгрессах международного уровня. Но подобное ноосферное сознание, как у героев Айтматова, является преждевременным для современного им общества. Вследствие этого, антропологический кризис порождает эсхатологию в самом явном смысле: ожидание смерти у младенцев – кассандро-эмбрионов.

Таким образом, угроза всемирной эсхатологии, с точки зрения писателя-космополита, стоит перед обществом по причине практики изоляционизма и национальной ненависти. Ноосферная тема в творчестве Айтматова открывается уже в романе «И дольше века длится день». Подобно тому, как на голову манкуртов надевали обруч из верблюжьей шкуры, после знакомства с жителями планеты Лесная Грудь вокруг Земли создаётся защитный обруч из спутников, защищающий от возможных контактов с внеземными цивилизациями. Роман «Тавро Кассандры» продолжает философско-художественный замысел писателя о людях, отказывающихся помнить о своем космическом родстве: «Мой роман – это призыв к разуму каждого человека, к его совести и достоинству, чтобы напомнить: ты – частица мирового разума» [Ковчег..., 2004: 385].

Итак, по мнению писателя, вторая причина всемирной эсхатологии в том, что человек игнорирует культурную память всего человечества и закрывается от космоса. Путь к достижению мирового космоса невозможен без усилий индивидуального разума, без осознания индивидом глобального накопления зла, вражды и страданий, обрушившихся на человечество. Подобным образом всемирная эсхатология, в свою очередь, включает индивидуальную эсхатологию. Цель айтматовского мироустройства – моделирование всеобъемлющего «эколого-антропологического космоса, нейтрализующего хаос» [Васильева-Шальнева, 2013: 92].

Наконец, заключительный мотив всемирной эсхатологии в романе «Тавро Кассандры» можно обозначить как образ общеродовой гибели, символизирующий окончательное эволюционное завершение жизни. Он вытекает из мотивов родовой вины и мирового разума, выражает ментальное взаимодействие неродившегося младенца, человека и животного, определяет взаимосвязь родового долга и родового наказания. Общая судьба для всех жителей планеты Земля, равных перед опасностью, впервые в творчестве писателя приобретает лейтмотив видового самоубийства животных наряду с массовым протестом эсхато-эмбрионов. Таким образом, всемирная эсхатология ставит перед угрозой уничтожения как человеческое существование, так и всю живую природу, – космический универсум в целом.

Мотив общеродовой гибели развивается последовательно. Во-первых, он иллюстрирует смерть человека, вписанного в судьбу человеческой цивилизации. Айтматов раскрывает содержание «зла» в обществе, которое не приемлют кассандро-эмбрионы: «... голод, трущобы, болезни и среди них СПИД, войны, экономические кризисы, социальные штормы, преступность, проституция, наркомания, межэтнические побоища, расизм, катастрофы экологические, энергетические, ядерные испытания и т.д.» [Айтматов, 2003: 42]. Следует сказать, что подобные жизнен-

ные реалии действуют в противоположность признакам ноосферного сознания. Людей, которые высказывают катастрофические идеи антропогенного характера или принимают сторону космического монаха Филофея, общество стремится ликвидировать из жизни социума, уничтожить как еретиков.

Так, Айтматов изображает трагическую смерть футуролога Роберта Борка, защищавшего эсхатологическую концепцию Филофея. Учёный осознанно вышел навстречу разъярённой толпе с целью предупредить неизбежный апокалиптический финал. Созвучная судьба находит своё воплощение в эпизодическом образе девушки, заживо сожжённой в знак протеста против производства оружия на массовой демонстрации: «А она, объятая пламенем, побежала прочь, оглашая округу жутким воплем. И всё смешалось на Красной площади, не меньше, чем в аду. Паника в толпе столь же страшна, как и кипение её свирепых, разрушительных вожделий...» [Айтматов, 2003: 158]. Подобно «Варфоломеевской ночи», к образу которой обращается сам автор, происходит жестокая расправа над «еретиками» и их ложными идеями для современного склада ума. При этом идея самопожертвования и жертвенной смерти во имя призыва к нравственности и очищения от «скверны» мира напоминает эсхатологические настроения старообрядческой среды.

С другой стороны, мотив общеродовой гибели раскрывает протест природы. Самоубийство становится не только эсхатологической эпидемией в творчестве Айтматова, но и «эпизоотией» [Мискина, 2003б: 76]. Факт такой современной экологической катастрофы, как выбрасывание китообразных на берег, находит своё художественное отражение в романе. Роберт Борк даёт своё объяснение действиям животных: «Киты – это живые радары в открытых океанах, это улавливатели подспудных сигналов космоса; быть может, самое трагическое для них, самое страшное для них, когда обрушиваются на них сигналы людских стихий, людских злодеяний, вызывающих непостижимый для нас дисбаланс в состоянии мирового

духа...Лишённые дара речи, киты не могут выразить, насколько они страдают за нас и как это давит, душит, разрывает их изнутри, требуя выхода, требуя разрядки» [Айтматов, 2003: 59].

Таким образом, единственный способ эсхатологического предупреждения для китов, подобно кассандро-эмбрионам, – это не поддающаяся научному объяснению возможность заявить о себе: «Где-то среди нас, в стихии нашей, происходит срыв, обвал, извращение нравственности, незримая радиация зла и страха распространяется из того обвала по миру, нарушается космическая справедливость, искажается гармония бытия, и тогда киты не выдерживают и тоже срываются, плывут к берегу и выкидываются разом, выбрасывают себя на погибель, совершают самоубийство» [Айтматов, 2003: 60].

Смерть китов, действительно, может символизировать наиболее архаический признак гибели человечества, согласно мифологической эсхатологии, так как эти животные напрямую соотносятся со структурой мироздания, реализуя охранную функцию. Устаревшая мировоззренческая концепция, согласно которой Земля представляла собой плоский диск и покоилась на спинах трех китов, присутствовала в космогонической мифологии многих народов древности. Следует сказать, что в народном представлении именно русскоязычного населения бытовали эсхатологические ожидания на случай, если Земля лишится своей опоры: «Когда Кит двинется, придёт конец миру» [Гура, 1997: 757].

Второй антропоморфный образ в романе, наряду с символикой китов, – мифологема «сова». Сова в представлении древних народов мира воплощала в себе амбивалентный образ тайны мироздания: как птица мудрости и предвестница смерти. В романе «Тавро Кассандры» только сова может видеть и слышать фантомных призраков Ленина и Сталина на Красной площади: «Не существует аргументов против смерти, их не может быть, смерть – естественна. И я не хочу быть бессмертным, будучи умершим, не хочу эрзац-жизни! Нет мне исхода, нет мне покоя, нет

покаяния! Прежде не думал, а теперь из головы не выходит – зачем я родился, зачем только меня мать родила?! Ведь я не хотел, не хотел рождаться! А теперь я заложник гробницы!.. Никому, категорически никому не дано игнорировать смерть. Это абсурд!» [Айтматов, 2003: 90]. Душевные терзания Ленина созвучны предупреждению кассандро-эмбрионов.

Итак, тема смерти объединяет два символических образа. Как замечает литературовед М.С. Мискина, «старая сова отражает мудрость человечества, киты же воплощают совесть» [Мискина, 2003б: 84]. И подобно тому, как киты выбрасываются на берег, сова погибает в конце романа при неизвестных обстоятельствах. Животные неразрывно связаны в своей космической идее ясновидения и пророчества. Трагедия финала романа заключается в том, что «уничтожение двух важнейших смыслообразующих констант жизни, выражающих интеллектуальную и духовную ее составляющие, определяет бесперспективность дальнейшего развития человечества» [Васильева-Шальнева, 2013: 91].

И, наконец, последняя ступень мотива общеродовой гибели – вынужденная смерть человека-пророка. В романе присутствуют религиозный подтекст самопожертвования и намеренные параллели героев с образом Иисуса Христа. Роберт Борк идёт на смерть со словами «Не останавливай меня. Я должен испить эту чашу. Даже если я иду на погибель...» [Айтматов, 2003: 205]. Филофей совершает акт самоубийства на глазах у всей планеты, выбросившись в открытый космос. Из-за человеческих злодеяний образ нового пророка не может быть реализован, тяжесть ответственности за обладание преждевременной истиной вызывает отказ от собственной миссии: «Но цена на таком пути всегда велика. Был ведь однажды великий Урок на все времена. Цена была – Голгофа. У каждого своя цена. Этот заплатил свою цену в космосе» [Айтматов, 2003: 303].

Поэтому эсхатологическое значение смерти пророка-спасителя заключается в идее общеродовой гибели как антите-

зе учению Оригена и Григория Нисского об апокатастасисе, всеобщем спасении и преобразении, к чему зывал космический монах. Открытие же Филофея, его резкое вторжение в мир людей приводит «не к вспышке сознания, не к покаянию и новому выбору, а к новому злу» [Ковчег..., 2004: 407]. Несмотря на явный пессимистический характер повествования, в романе Айтматова существует вера в человека, в его разум и волю. В Эпиллоге рассказывается история духовного возрождения Филофея от великого грешника к космическому пророку, подобно покаянию разбойника на кресте рядом с Христом или обращению Савла в Павла, которые вселяют «надежду на нравственную революцию, вознесение человеческого в человеке и в большем масштабе – в самом заблудшем роде людском» [Ковчег..., 2004: 411].

Надежды автора также устремлены на молодого интеллектуала, «духовного сына» Филофея и Роберта Борка – Энтони Юнгера. Таким образом, несмотря на то, что современные танатология и эсхатология воспринимают окружающий мир как «космос смерти, отчетливо и неотвратимо преобразующийся в трагедию вселенского самоубийства» [Энциклопедия религий, 2008: 1233]. Общество само себя убивает и разрушает. В романе Айтматова, тем не менее, сохраняется путь выхода из смертельного тупика как для отдельной личности, так и для мира в целом через поиски новых духовных альтернатив.

После всего вышеизложенного можно приступить к выводам исследования:

а) в позднем романе Ч.Т. Айтматова «Тавро Кассандры» апокалиптические мотивы получают своё наивысшее звучание. Они формируют авторскую, самобытную эсхатологию, включающую элементы мифологического, национального, авраамического и рационалистического миропонимания, что позволяет говорить о синкретизме религиозного сознания писателя;

б) эсхатологические мотивы в творчестве Айтматова раскрывают сущность религиозно-философских исканий советского писателя, способствуют подтверждению его свободомыслящего, богоискательского, а не канонического взгляда на мироустройство и исторические процессы. На примере социально-нравственных проблем современности Айтматов пытается донести свою тревогу за подмену жизненных ценностей, утрату веры в высокие идеалы, за судьбу человека и всего космоса;

в) эсхатология в понимании Айтматова в первую очередь представляет собой антропологическую катастрофу, и, несмотря на гуманизм писателя, несёт ярко выраженный пессимистический характер;

г) проза Айтматова автором статьи была прочитана и интерпретирована с использованием инструментария философии религии, то есть с применением философско-религиоведческого метода исследования. Наряду с ним использовались историко-литературный подход и методики целостного, сравнительного и интертекстуального анализа.

Список литературы:

Список литературы

- Айтматов Ч.Т. Тавро Кассандры (Из ересей XX века). М.: Молодая гвардия, 2003. 305 с.
 Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 341 с.
 Брега С.С. Феномен антиутопии в социальных практиках современности.: дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 184 с.
 Васильева-Шальнева Т.Б. Апокалипсическая диалогия Ч. Айтматова // Филология и культура. 2013. № 2(32). С. 89-93.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Сборник цитат / сост. К.А. Степанов. М.: Фонд имени В.И.Вернадского, 2008. 324 с.

Всемирная энциклопедия: Философия / гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ Современный литератор, 2001. С. 710-711.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. 912 с.

Дыдров А.А. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20(201). С. 38-41.

Желтикова И.В. Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел: Издательство ОГУ, 2011. 172 с.

Иванова Н. Пройти через отчаяние // Юность. М.: Правда, 1990. № 1. С. 86-90.

Ковчег Чингиза Айтматова / под ред. Ф. Хамраева. М.: ГП ГЖО «Воскресенье» при участии ООО ИИА «Евразия+», 2004. 687 с.

Медведко Л.И. «Око мира» и коллективный интеллект Евразии. Возрождение духа Иссык-Кульского форума // Ноосферная духовно-экологическая Ассамблея мира. М.: Научная мысль, 2004. С. 150-156.

Мискина М.С. Мотив жертвоприношения в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» // Вестник Томского государственного университета. Филология. Литературоведение. 2003. № 277. С. 152-159.

Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 206 с.

Свящ. Ничипоров И.Б. «Тавро Кассандры» Чингиза Айтматова как роман-антиутопия // ArtLogos (Искусство слова). 2018. № 1(3). С. 98-105.

Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М: Renaissance, 1992. 216 с.

Федоров Н.Ф. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.

Шишова Т.Л. Медведева И. Спецмиссия Антихриста. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.

Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н.Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. 1520 с.

Яншина Ф.Т. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 163-173.

Combating sexist stereotypes in the media // Committee on Equal Opportunities for Women and Men. Parliamentary Assembly. Council of Europe. Switzerland, 2010. 6 p.

Об авторе:

Филькина Мария Алексеевна – студент, магистр 1 курса отделения религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ). Россия, 123100, г. Москва, ул. 1905 года, д. 5, кв. 235. E-mail: masha.filkina.1@mail.ru.

WORLD ESCHATOLOGY IN THE NOVEL «CASSANDRA'S BRAND» BY CHINGIZ AITMATOV

M.A. Filkina

Abstracts. *World eschatology in Aitmatov's late fiction "Cassandra's Brand" (1996) addresses the problem of death expectation of mankind at the genetic level in the context of a worldwide catastrophe. In this case writer's transition to rationalistic eschatology acting within the framework of secular culture, anthropogenic factors and science-like phenomena, is of great interest along with mythological and Abrahamic eschatology.*

First of all, it is necessary to distinguish the motive of dystopia through analyzing similar features of eschatology, dystopia (and futurology) as specific forms of attitude to the mode of future, and to discern traditional features of this literary genre as well. For example, a geneticist from space, who calls himself as a space monk, is perceived by society as the antichrist, attempting a sacrilege against the sacrament of procreation and the divine commandment "Be fruitful and multiply"; an undesirable brand on the pregnant women's forehead is considered as a mark of the beast, since laser exposure in folk culture is perceived as an ability to control people's psyche and soul. In the background, the novel illustrates the dystopia model of a technocratic state in which inhuman experiments in creating an artificial human, lynching, mass wars and murders occur.

Further, the motive of the "noosphere" is considered, which interprets the genesis of world eschatology as world's harmony destruction and division of the world mind into the antinomy of space and chaos, where the first epitomizes the natural beginning of nature and animals, meanwhile the chaos is relating to social destructive actions. The impossibility of constructing a noospheric, cosmopolitan consciousness assumes its evolutionary completion, the end of the world, according to Aitmatov. Aitmatov's world-building in his novel largely resembles the theories of Teilhard de Chardin, Nikolai Fedorov, Vladimir Vernadsky.

In the end, the final image of world eschatology is devoted to the motive of the universal death, endangering both human existence and all nature, the cosmic universe as a whole. In the novel for the first time, besides the suicide of the protagonist, Aitmatov describes the mass suicide of whales, as radars of cosmic intelligence, predicting the world's catastrophe. The aspect of the forced death of a prophet-man as a potential death for society is also analyzed. World eschatology in Aitmatov's late fiction "Cassandra's Brand" (1996) addresses the problem of death expectation of mankind at the genetic level in the context of a worldwide catastrophe. In this case, of great interest is the writer's transition, along with mythological and Abrahamic eschatology, to rationalistic eschatology, which acts within the framework of secular culture, anthropogenic factors and science-like phenomena.

Key words. World eschatology, rationalistic eschatology, apocalypse, dystopia novel, Antichrist, eschato-embryo, brand, noosphere, general death, space, chaos, mankurtism, self-sacrifice, cosmopolitanism.

References:

Aitmatov Ch.T. *Tavro Kassandri (Iz eresei XX veka)* [Cassandra's Brand (From the heresies of the XX century)]. Moscow, Young Guard, 2003. 305 p. (In Russian).

Bessonov I.A. *Russkaya narodnaya eshatologiya: istoriya i sovremennost* [Russian folk eschatology: history and modernity]. Moscow, Gnosis, 2014. 341 p. (In Russian).

Brega S.S. *Fenomen antiutopii v socialnih praktikah sovremennosti: dis. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of dystopia in social practices of the present. Cand.phil. sci. diss.]. Moscow, 2010. 184 p. (In Russian).

Vasilyeva-Shalneva T.B. Apokalipsicheskaya dilogiya Ch. Aitmatova [Apocalyptic dilogy of Ch. Aitmatov]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2013, no. 2(32). pp. 89-93 (In Russian).

Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera. Sbornik tsitat* [Biosphere and noosphere. Collection of quotations] / comp. K.A. Stepanov. Moscow, Vernadsky Foundation, 2008. 324 p. (In Russian).

Vsemirnaya Enciklopediya: Filosofiya [World Encyclopedia: Philosophy] / Ch. scientific. ed. and sost. A.A. Gritsanov. Moscow, AST The Contemporary Writer, 2001. pp. 710-711 (In Russian).

Gura A.V. *Simvolika jivotnih v slavyanskoi narodnoi tradicii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Publishing house "Indrik", 1997. 912 p. (In Russian).

Dydrov A.A. Utopiya i antiutopiya kak specificheskie formi otnosheniya k modusu buduschego [Utopia and dystopia as specific forms of attitude to the mode of the future]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2010, no. 20(201), pp. 38-41 (In Russian).

Zheltikova I.V. Gusev D.V. *Ojidanie buduschego: utopiya, eshatologiya, tanatologiya* [Expectation of the future: Utopia, eschatology, thanatology]. Orel, OSU Publishing House, 2011. 172 p. (In Russian).

Ivanova N. Proiti cherez otchayanie [Pass through despair]. *lunost'* [Youth]. Moscow, True, 1990. no. 1. pp. 86-90 (In Russian).

Kovcheg Chingiza Aitmatova [The Ark of ChingizAitmatov] / ed. F. Hamraeva. Moscow, State Enterprise "GZO" Voskresenie "with the participation of IIS" Eurasia + ", 2004. 687 p. (In Russian).

Medvedko L.I. «Oko mira» i kollektivnii intellect Evrazii. Vozrojenie duha Issik-Kulskogo foruma ["The Eye of Peace" and the collective intelligence of Eurasia. Revival of the spirit of the Issyk-Kul Forum]. *Noosfernaia dukhovno-ekologicheskaja Assambleia mira - Noospheric Spiritual-Ecological Assembly of the World*. Moscow, Scientific Thought, 2004. pp. 150-156 (In Russian).

Miskina M.S. *Motiv jertvoprinosheniya v romane Ch. Aitmatova «Tavro Kassandri»* [The motive of sacrifice in the novel by Ch. Aitmatov "Cassandra'sBrand"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Literaturovedenie - Bulletin of Tomsk State University. Philology. Literary studies*, 2003, no. 277. pp. 152-159 (In Russian).

Miskina M.S. *Folklorno-mifologicheskie motivi v proze Chingiza Aitmatova: dis. ... kand. filol. nauk.* [Folklore and mythological motives in Chingiz Aitmatov's prose. Kand. phil. sci. diss.]. Tomsk, 2003. 206 p. (In Russian).

Nichiporov I.B. (Priest) «Tavro Kassandri» Chingiza Aitmatova kak roman-antiutopiya ["Cassandra's Brand" by Chingiz Aitmatov as an dystopia novel]. *ArtLogos - Art of the word*, 2018. no. 1(3), pp. 98-105 (In Russian).

Teilhard de Chardin P. *Bojestvennaya sreda* [The Divine Environment]. Moscow, Renaissance, 1992. 216 p. (In Russian).

Fedorov N.F. *Polnoe sobranie sochinenii: V 4 t. T. 1* [Complete Works: In 4 vols]. Moscow Publishing Group "Progress", 1995. 518 p. (In Russian).

Shishova T.L. Medvedeva I. *Specmissiya Antihrista* [The special commission of Antichrist]. Moscow, Algorithm, 2009. 240 p. (In Russian).

Enciklopediya religii [Encyclopedia of Religions] / ed. A.P. Zabyako, A.N. Krasnikova, E.S. Elbakyan. Moscow, Academic Project; Gaudeamus, 2008. 1520 p. (In Russian).

Yanshina F.T. Noosfera V. Vernadskogo: utopiya ili realnaya perspektiva [The Noosphere of V. Vernadsky: Utopia or the Real Perspective]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' - Social sciences and modernity*, 1993, no. 1, pp. 163-173 (In Russian).

Combating sexist stereotypes in the media. *Committee on Equal Opportunities for Women and Men. Parliamentary Assembly. Council of Europe*. Switzerland, 2010. 6 p.

About the Author:

Maria A. Filkina – student, magister of the first course of the Department of Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (MSU). Russia, 123100, Moscow, 1905 street, house 5, flat 235. E-mail: masha.filkina.1@mail.ru.